

Максим Горький

Васька Красный

Максим Горький
Васька Красный

«Public Domain»

1900

Горький М.

Васька Красный / М. Горький — «Public Domain», 1900

«Недавно в публичном доме одного из поволжских городов служил человек лет сорока, по имени Васька, по прозвищу Красный. Прозвище было дано ему за его ярко-рыжие волосы и толстое лицо цвета сырого мяса...».

Максим Горький Васька Красный

Недавно в публичном доме одного из поволжских городов служил человек лет сорока, по имени Васька, по прозвищу Красный. Прозвище было дано ему за его ярко-рыжие волосы и толстое лицо цвета сырого мяса.

Толстогубый, с большими ушами, которые торчали на его черепе, как ручки на рукомоинике, он поражал жестоким выражением своих маленьких бесцветных глаз; они заплыли у него жиром, блестели, как льдины, и, несмотря на его сытую, мясистую фигуру, всегда взгляд его имел такое выражение, как будто этот человек был смертельно голоден. Невысокий и коренастый, он носил синий казакин, широкие суконные шаровары и ярко вычищенные сапоги с мелким набором. Рыжие волосы его вились кудрями, и, когда он надевал на голову свой щегольской картуз, они, выбиваясь из-под картуза кверху, ложились на околыш картуза, – тогда казалось, что на голове у Васьки надет красный венчик.

Красным его звали товарищи, а девицы прозвали его Палачом, потому что он любил истязать их.

В городе было несколько высших учебных заведений, много молодёжи, поэтому дома терпимости составляли в нём целый квартал: длинную улицу и несколько переулков. Васька был известен во всех домах этого квартала, его имя наводило страх на девиц, и, когда они почему-нибудь ссорились и вздорили с хозяйкой, – хозяйка грозила им:

– Смотрите вы!.. Не выводите меня из терпения, – а то как позову я Ваську Красного!..

Иногда достаточно было одной этой угрозы, чтоб девицы усмирились и отказались от своих требований, порой вполне законных и справедливых, как, например, требование улучшения пищи или права уходить из дома на прогулку. А если одной угрозы оказывалось недостаточно для усмирения девиц, – хозяйка звала Ваську.

Он приходил медленной походкой человека, которому некуда было торопиться, запирался с хозяйкой в её комнате, и там хозяйка указывала ему подлежащих наказанию девиц.

Молча выслушав её жалобу, он кратко говорил ей:

– Ладно...

И шёл к девицам. Они бледнели и дрожали при нём, он это видел и наслаждался их страхом. Если сцена разыгрывалась в кухне, где девицы обедали и пили чай, – он долго стоял у дверей, глядя на них, молчаливый и неподвижный, как статуя, и моменты его неподвижности были не менее мучительны для девиц, как и те истязания, которым он подвергал их.

Посмотрев на них, он говорил равнодушным и сирым голосом:

– Машка! Иди сюда...

– Василий Мироныч! – умоляюще говорила девушка. – Ты меня не тронь! Не тронь... тронешь – удавлюсь я...

– Иди, дура, верёвку дам! – равнодушно, без усмешки говорил Васька.

Он всегда добивался, чтоб виновные сами шли к нему.

– Караул кричать буду... Стёкла выбью!.. – задыхаясь от страха, перечисляла девица всё, что она может сделать.

– Бей стёкла, – а я тебя заставлю жрать их! – говорит Васька.

И упрямая девица сдавалась, подходила к Палачу; если же она не хотела сделать этого, Васька сам шёл к ней, брал её за волосы и бросал на пол. Её же подружки, – а зачастую и единомышленницы, – связывали ей руки и ноги, завязывали рот, и тут же, на полу кухни и на глазах у них, виновную пороли. Если это была бойкая девица, которая могла и пожаловаться, её пороли толстым ремнём, чтобы не рассечь её кожу, и сквозь простыню, смоченную водой, чтоб на теле не оставалось кровоподтёков. Употребляли также длинные и тонкие мешочки,

набитые песком и дресвой, – удар таким мешком по ягодицам причинял человеку тупую боль, и боль эта не проходила долго...

Впрочем, жестокость наказания зависела не столько от характера виновной, сколько от степени её вины и симпатии Васьки. Иногда он и смелых девиц порол без всяких предосторожностей и пощады; у него в кармане шаровар всегда лежала плётка о трёх концах на короткой дубовой рукоятке, отполированной частым употреблением. В ремни этой плётки была искусно вделана проволока, из которой на концах ремней образовывалась кисть. Первый же удар плётки просекал кожу до костей, и часто, для того, чтобы усилить боль, на иссечённую спину приклеивали горчичник или же клали тряпки, смоченные круто солёной водой.

Наказывая девиц, Васька никогда не злился, он был всегда одинаково молчалив, равнодушен, и глаза его не теряли выражения ненасытного голода, лишь порой он прищуривал их, отчего они становились острее...

Приёмы наказаний не ограничивались только этими, нет – Васька был неисчерпаемо разнообразен, и его изощрённость в деле истязания девиц возвышалась до творчества.

Например, в одном из заведений девица Вера Коптева была заподозрена гостем в краже у него пяти тысяч рублей. Гость этот, сибирский купец, заявил полиции, что он был в комнате Веры с нею и её подругой Сарой Шерман; последняя, посидев с ним около часа, ушла, а с Верой он оставался всю ночь и ушёл от неё пьяный.

Делу дан был законный ход; долго тянулось следствие: обе обвиняемые были подвергнуты предварительному заключению, судились и, по недостатку улик, были оправданы.

Возвратясь после суда к своей хозяйке, подруги снова попали под следствие; хозяйка была уверена, что кража – дело их рук, и желала получить свою долю.

Саре удалось доказать, что она не участвовала в этой краже; тогда хозяйка ревностно принялась за Веру Коптеву. Она заперла её в баню и там кормила солёной икрой, но, несмотря на это и многое другое, девица не сознавалась, где спрятала деньги. Пришлось прибегнуть к помощи Васьки.

Ему было обещано сто рублей, если он допытается, где деньги.

И вот однажды ночью в баню, где сидела Вера, мучимая жаждой, страхом и тьмой, явился дьявол.

Он был в чёрной лохматой шерсти, а от шерсти его исходил запах фосфора и голубоватый светящийся дым. Две огненные искры сверкали у него вместо глаз. Он встал перед девушкой и страшным голосом спросил её:

– Где деньги?..

Она сошла с ума от ужаса.

Это было зимой. Поутру другого дня её, босую и в одной рубашке, вели из бани в дом по глубокому снегу, она же тихонько смеялась и говорила счастливым голосом:

– Завтра я с мамой опять пойду к обедне... опять пойду... опять пойду к обедне...

Когда Сара Шерман увидела её такой, она тихо и растерянно объявила при всех:

– А ведь деньги-то украла я...

Трудно сказать, чего больше было у девиц в отношении к Ваське: страха перед ним или ненависти к нему.

Все они заигрывали с ним и заискивали у него, каждая из них усердно добивалась чести быть его любовницей, и в то же время все они подговаривали своих «кредитных» друзей сердца, гостей и знакомых «вышибал» избить Ваську. Но он обладал страшной силой и допьяна никогда не напивался – трудно было сладить с ним. Не раз ему подсыпали мышьяк в пищу, чай и пиво, и однажды довольно удачно, но он выздоровел. Он как-то узнавал обо всём, что предпринималось против него; но незаметно было, чтоб знание того, чем он рискует, живя

среди бесчисленных врагов, понижало или повышало его холодную жестокость к девицам. Равнодушно, как всегда, он говорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.